
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Мурзиным**

В упор на солнце
гранитный бог глядит.
Изъеден червем времени гранит.
Ковыльную серебряную гриву
у основания ветер тербит.

Дождь или снег –
всё в свой приходит срок.
Гранитный лик однообразно строг.
Тропинка муравьиная пунктиром
пересекает суженый зрачок.

На гребнях гор
густой закат лежит.
Длиннеют тени от курганных плит.
И возле остывающего камня
змея, в клубок свернувшаяся, спит.

В сени кипарисов на заре,
битвами дневными утомлённый,
отдыхает грозный хан Гирей,
устремляя в море взгляд зелёный.
Ни в каких глубинах голубых,
зарослях коралловых лиловых
никогда не видела таких
стариков – красивых и суровых.
Взбулькивает глиняный кальян,
ароматы стелются волною,
и седобородый пехлеван
чуть качает бритой головою.
Чайки вторят горестной зурне.
Пена моет мраморную плитку.
Отчего так любопытно мне
подстеречь внезапную улыбку?
Жизнь была привольная моя
предопределённой изначально.
В зареве заката чешуя
отливает золотом. Прощально
плавники плеснут – не обессудь.
Будут сердце холода лелеять.
Иншаллах, вернись когда-нибудь
грусть-печаль-тоску твою развеять.

Днесь припомнишь весну, родную сторону,
как цеплялась мать за стремя – не пускала на войну...
Через степи-урман на Амур, на Иман
мы отгулевали вволю. Здравствуй, батька океан!
Голых сопок промеж наш последний рубеж.
Канонадой уши давит. Хочешь выжить – землю ешь.
Нам бы счастья щепоть, да не внемлет Господь.
Захлебнулась контратака. Не ори, вашблагородь!
Поспешай, самурай! Не робей, выбирай –
путь обратный нам заказан, а грехи не пустят в рай.
Что ж так больно, так жжёт? Завершился поход.
Мать забьётся-зарыдает, как известие дойдёт.
Ни к чему ей гадать, нет нужды понимать,
ради правды или кривды уходил ты воевать.

Ребятня из вольницы окрестной
взобралась на рубленый забор.
Правнукам оставив дом в наследство,
тихо помер дедушка Егор.
Во дворе не то чтоб суматоха –
тесен нынче стал просторный двор.
Не щадила мужика эпоха,
но и сам не промах был Егор.
Оттого ко другу дорогому
медленный идёт соседей ряд,
и в надрыв, как по отцу родному,
городские снохи голоса.
А потом столы торцами сдвинут,
чтоб вошли и люди, и семья,
как снесут отцову домовину
на погост смурные сыновья
и к другой могилке подхоронят...
Заждалась, родимая, поди?
И к утру печаль в траву изронят
гулкие июльские дожди...
Но и нас за наши окаянства
не минует Божья благодать;
во дворцах да на перинах царских –
всё едино, милый, помирать...

В.Б.

Седые мои одногодки-погодки,
мальчишки поэты мои –
с варёной картохой под водку селёдки
ценители честные и
ревнителю невыполнимых обетов,
отъявленные гордецы,
ни строчкой, ни точкой, ни в устных ответах
на дух никогда не лжецы.
Уж вам-то всегда доставало отваги
вернуть содержанье словам.
Когда ещё пересечёмся, бродяги
по весям и по временам?
Товарищи старые, други лихие –
испытана твёрдость ребра.
Я всех вас люблю, но, мои дорогие,
не всех вас люблю, как сестра.
Историк приврёт поперёк и внахлёстку –
мол, был, видно, равными меж...
А всё-таки славно – селёдку под водку!
Володька, лучка-то порежь.